

ЮРІЙ ВЕСЕЛОВСЬКИЙ

Трагедія турецької АРМЕНІЇ

Ар

1254

Книгоиздательство „ЗВЪЗДА“

Н. Н. Орфенова
МОСКВА

17 9 99

AB

9 (Ар)
В-381

ЮРИЙ ВЕСЕЛОВСКИЙ

1900г

№ 9492 х.
9533

Того же автора:

ЭТЮДЫ ПО РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. т. I (русская литература). Цѣна 50 коп. Допущена въ фундам. библ. военно-учебныхъ заведеній. Допущена въ ученич. библ. старш. возр. средн. учебн. зав. Въдомства Императрицы МАРИИ.

ТРАГЕДІЯ ТУРЕЦКОЙ АРМЕНИИ

КНИЖНИЦА
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
И
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКОГО
УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОГО
УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНІЯ

AV

Звезда

Книгоиздательство „ЗВѢЗДА“
Н. Н. Орфенова
МОСКВА

На основаніи закона 20 марта 1911 г. перепечатка воспрещается.

38. 1251

(21365)
78

1254-99

❑❑	ТИПОГРАФІЯ ПЕРЕЧЕТНАЯ СТЕРЕОТИПНАЯ	❑❑
Г. ЛАМБЕРТЪ :: МОСКВА		
❑❑❑❑	Тел. 1-04-12	❑❑❑❑

„О край, обреченный на скорбь и страданье, что будетъ съ тобою въ грядущіе дни?“... Эти обращенныя къ Турецкой Арменіи слова современнаго поэта отражаютъ тотъ мучительный, скорбный вопросъ, который такъ часто волновалъ и тревожилъ различныхъ армянскихъ дѣятелей новѣйшаго времени, близко принимавшихъ къ сердцу судьбу роднаго края. Хотѣлось выяснитъ, суждено ли такъ много испытавшей на своемъ вѣку странѣ дожидаться лучшихъ дней, вздохнуть свободнѣе, — или ея возрожденіе является только красивою и благородною мечтою ея преданныхъ сыновъ, а на дѣлѣ ей придется и далѣе выносить „скорбь и страданье“, какъ выносила она ихъ въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, не видя вдали просвѣта. Много было данныхъ въ пользу пессимистическаго, безнадежнаго отвѣта на этотъ вопросъ о судьбѣ, которая ожидаетъ древній край, въ прошломъ и настоящемъ такъ жестоко испытанный судьбою. Но, вопреки всѣмъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ и тревожнымъ признакамъ, никогда не умирала въ груди наиболѣе отзывчивыхъ, бодрыхъ и смѣлыхъ представителей армянскаго народа вѣра въ то, что, рано или поздно, для

Турецкой Армені засіяетъ заря новой жизни. Еще въ началѣ 60-хъ годовъ минувшаго столѣтія армянскій поэтъ и публицистъ С. Шахъ-Азизъ, рисуя бѣдственное положеніе турецкихъ армянъ, въ то же время высказывалъ, устами своего положительнаго героя, юнаго мечтателя - байрониста Леона, хотя бы несмѣлую, смутную пока надежду на то, что это положеніе должно будетъ измѣниться къ лучшему:

Мой край лежитъ поработанный,
Измученный, въ цѣляхъ,
И, въ сердце на смерть пораженный,
Склоняется во прахъ.
О сердце, ты — очагъ мученья!
Тоскуй въ моей груди!...
Но, можетъ быть, заря спасенья
Заблещетъ впереди!
Придетъ, быть можетъ, это время,
Минуютъ дни скорбей, —
И станетъ легче злое время
Сыновъ страны моей. *)

„Стряхнемъ съ себя пыль древности, возродимся къ новой жизни“, писалъ въ ту же эпоху 60-хъ годовъ другой крупный армянскій поэтъ, Рафаэль Патканьянъ, въ своемъ стихотвореніи Чужестранка и армянскій юноша. „Да здравствуетъ на многія лѣта ребенокъ Арменія, основаніе которой положено пока только въ глубинѣ нашихъ сердецъ!... Братья, не будемъ считать мечтою то, что еще неосвязаемо, но что воплотится и будетъ видимо вскорѣ, только бы мы полны были увѣренности!... Нѣтъ, родина не вполне еще несчастна, разъ у нея есть храбрые сыны въ

*) Переводъ С. Н. Головачевского.

родѣ насъ“... Эта вѣра въ будущее красною нитью прошла черезъ всю новѣйшую армянскую литературу, въ частности — поэзію, неискореняемая безповоротно всѣми ужасами, которые творились въ Турціи, избіеніями, погромами, грубымъ произволомъ надъ беззащитными жертвами. Хотя трудно было предвидѣть, когда осуществятся всѣ эти мечты о возрожденіи и новой жизни, когда „станетъ легче злое бремя“, угнетавшее древній восточный народъ, оторванный отъ культурнаго міра и поставленный въ самыя ненормальныя условія, — даже въ наиболѣе мрачныя эпохи не угасала искра вѣры въ будущее, въ здоровыя силы народной массы, такъ ярко отразившаяся въ этой характерной строфѣ изъ относящагося къ Турецкой Арменіи стихотворенія современнаго поэта Ованнисяна:

Но нѣтъ, ты не умрешь! Я вѣрю въ обновленье!
Оно должно притти, — оно къ тебѣ придетъ.
Во мракѣ вѣковомъ горитъ звѣзда спасенья;
Проснися, близокъ часъ, о родина, — онъ ждетъ!
Все то, что нѣкогда въ душѣ твоей боролось,
Пусть вспыхнетъ вновь! Воспрянь во прахѣ и пыли!
Хоть полумертвая, услышь, подай свой голосъ, —
Твои сыны придутъ со всѣхъ концовъ земли!...*)

Въ наши дни, въ переживаемый нами историческій моментъ, повидимому, сама жизнь должна дать отвѣтъ на занимавшій столько поколѣній армянскихъ дѣятелей вопросъ о томъ, „что будетъ въ грядущіе дни“ съ злополучною страной. Вѣсть о началѣ войны между Россіей и Турціей вызвала, какъ извѣстно, живѣйшій энтузіазмъ и небывалый подъемъ въ различныхъ слояхъ армянскаго общества, создававшего,

*) Перев. К. Д. Бальмонта.

что сокрушение исконнаго врага армянъ силою русскаго оружія должно дать христіанскому населенію малоазіатскихъ вилайетовъ возможность свободнѣе вздохнуть, зажечь по-новому, получить общечеловѣческія права, которыхъ оно до сихъ поръ было лишено въ тискахъ турецко-магометанскаго режима. Всѣ органы нашей печати обошло извѣстіе о томъ, съ какимъ увлеченіемъ вступали представители армянской молодежи въ ряды добровольцевъ, — какими восторженными, дышавшими воодушевленіемъ и бодрою надеждою манифестаціями сопровождался отъѣздъ молодыхъ людей на театръ военныхъ дѣйствій. Теперь уже, во всякомъ случаѣ, нельзя повторить той пессимистической фразы, которая вырвалась когда-то у армянскаго поэта, въ минуту сомнѣній и разочарованія: „но, къ тяжкимъ страданьямъ твоимъ безучастный, твой сынъ не приходитъ на помощь къ тебѣ“. Общая отзывчивость и солидарность, желаніе содѣйствовать возрожденію Турецкой Арменіи, вѣра въ освободительную миссію Россіи, неоднократно проявлявшуюся и раньше по отношенію къ угнетеннымъ христіанскимъ народностямъ, — вотъ, что характеризуетъ въ данный моментъ настроеніе широкихъ круговъ армянскаго общества! Что касается, въ частности, жителей Турецкой Арменіи, то они привѣтствовали вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы страны, видя въ русскихъ своихъ избавителей отъ турецкаго ига. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ великая война 1914 года является войною освободительною, близко затрагивающею жизненные интересы небольшихъ народовъ, которымъ окончательная побѣда державъ тройственнаго согласія сулитъ національное возрожденіе и охрану жизнен-

ныхъ интересовъ, досихъ поръ игнорировавшихся или подавлявшихся германскимъ, австрійскимъ или турецкимъ режимомъ.

Уже не въ первый разъ привѣтствуютъ турецкіе армяне вступающія въ ихъ предѣлы русскія войска и оказываютъ имъ посильное содѣйствіе. Если армянское населеніе Персіи въ 1826 году, во время русско-персидской войны, оказало русскимъ большія услуги, въ послѣдствіи официально констатированныя, а послѣ заключенія Туркманчайскаго мира обнаружило опредѣленную тенденцію въ пользу переселенія въ предѣлы Россіи (до 40.000 человекъ, дѣйствительно, эмигрировали тогда изъ Персіи), — то въ пору войны съ Турціей, въ 1828-29 годахъ, турецкіе армяне еще болѣе активно выступили въ качествѣ сторонниковъ Россіи и приняли участіе въ борьбѣ. Армянское ополченіе участвовало въ военныхъ дѣйствіяхъ, несмотря на всѣ попытки турокъ разъединить русскихъ и армянъ; охрана русской границы была затѣмъ поручена, между прочимъ, армянскому отряду; въ официальныхъ донесеніяхъ армяне-добровольцы именовались храбрыми союзниками и ревностными соучастниками*). По окончаніи войны десятки тысячъ турецкихъ армянъ переселились въ русскіе предѣлы. Тѣ же явленія, съ извѣстными отѣнками и варіаціями, повторялись и во время русско-турецкихъ войнъ 1854-55 и 1877-78 го-

*) Ср. статью „Грева“ (Гр. А. Джаншіева) „Наброски изъ исторіи армянъ“, написанную на основаніи документовъ и болѣе раннихъ изслѣдованій (Сборникъ „Братская помощь армянамъ“, стр. 505-512). См. также Г. И. Кананова „Очеркъ пятидесятилѣтней дѣятельности Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ“ (1865 г.).

довъ. Особенно въ теченіе второй изъ только что упомянутыхъ войнъ чувствовался сильный энтузіазмъ армянскаго населенія малоазіатскихъ вилайетовъ, снова увѣровавшаго въ возможность избавленія отъ турецкаго ига и возлагавшаго большія надежды на русское наступленіе. Вѣсть о томъ, что война ведется изъ за желанія Россіи притти на помощь угнетеннымъ народностямъ Балканскаго полуострова, отстоять ихъ права и добиться для нихъ болѣе разумныхъ, терпимыхъ условій существованія, — эта вѣсть пробудила въ сердцахъ армянскихъ патриотовъ надежду на то, что и армянскій народъ, выносившій не менѣе тяжелый, губительный режимъ, чѣмъ, на примѣръ, болгары, не будетъ забытъ въ моментъ подведенія итоговъ войны и устроенія участи подвластныхъ Турціи племенъ. Подъ вліяніемъ подобныхъ надеждъ и упованій русскія войска встрѣчали въ Арменіи радушный пріемъ и разнообразную, иногда весьма существенную, помощь, оказывавшуюся, несмотря на опасность мщенія армянамъ со стороны турокъ, — въ случаѣ если бы ихъ настоящее отношеніе къ русскимъ открылось.

Вмѣстѣ съ тѣмъ русско-турецкая война 1877-78 г.г. вызвала въ широкихъ кругахъ армянскаго общества за предѣлами Турціи, въ частности — въ Россіи, усиленный, повышенный интересъ къ участи турецкихъ армянъ. Тѣ, кому не приходилось выносить на себѣ тяготу турецкихъ порядковъ, кто жилъ при болѣе нормальныхъ условіяхъ, пользовался безопасностью и охраною своихъ законныхъ правъ, почувствовали приливъ живой симпатіи къ страдающимъ братьямъ. Выраженіемъ этой симпатіи, этого стремленія реагировать на бѣдствія Турецкой Арменіи и поддержать

бодрость и вѣру въ будущее въ ея придавленномъ невзгодами и грубымъ произволомъ населеніи явились, между прочимъ, двѣ группы произведеній, относящихся именно къ этой знаменательной порѣ. Это были тенденціозные романы и повѣсти одного изъ наиболѣе популярныхъ армянскихъ беллетристовъ, Раффи — и „Свободныя пѣсни“ даровитаго Рафаэла Патканьяна. Эти произведенія внушали обществу надежду на то, что русско-турецкая война приведетъ къ паденію Турціи и къ освобожденію всѣхъ ея христіанскихъ подданныхъ, — напоминали о томъ, что армяне съ своей стороны должны принять участіе въ борьбѣ, открыто заявить о своихъ нуждахъ, отстаивать свои законные интересы, чего бы это ни стоило. Повѣсть Раффи „Джалалѣдинъ“, его романъ „Хентъ“*) оказали могущественное вліяніе на армянскую читающую публику, въ частности — молодежь, содѣйствуя выработкѣ національно-освободительныхъ идеаловъ, намѣчая программу дѣйствій, наконецъ, знакомя съ положеніемъ народа, рисуя мѣстную жизнь и разностороннія бытовые картины. Изображая участь Турецкой Арменіи, Раффи старался показать, что эта участь ничѣмъ не лучше того гнета, который выносила Болгарія. Мрачныя, трагическія, кровавыя сцены проходятъ въ его произведеніяхъ передъ читателемъ, заставляя его невольно призадуматься надъ безотрадною судьбою далекаго, безгласнаго, казалось — позабытаго всѣмъ культурнымъ міромъ Вана или Муша.

*) „Джалалѣдинъ“, перев. Н. Багатуровой; „Хентъ“, перев. Н. Кара-Мурзы (Тифлисъ, 1901).

Но, изображая погромы, избиенія или беззастѣнчивые поборы, армянскій романистъ умышленно выводилъ въ своихъ повѣстяхъ, появившихся и въ эту пору, и нѣсколько позднѣе, „новыхъ людей“, горячихъ патріотовъ и народолюбцевъ, призывающихъ родную страну къ обновленію, готовыхъ отдать свою жизнь для ея блага, сознающихъ истинный смыслъ борьбы между Россіей и Турціей и подчасъ пытающихся объяснить его народной массѣ. Въ то время, когда создавались повѣсти Раффи, такихъ людей почти не было въ дѣйствительной жизни: измученная, задавленная вѣковымъ игомъ Турецкая Арменія не рѣшалась „подать свой голосъ“, могла только скорбѣть и молить о пощадѣ. Положительные герои Раффи, такимъ образомъ, явились своего рода идеаломъ, который онъ хотѣлъ предложить вниманію соплеменниковъ, въ надеждѣ, что ихъ бодрія и сознательныя рѣчи найдутъ откликъ въ широкихъ кругахъ армянскаго общества. Рано или поздно, эта мечта о появленіи армянскихъ Инсаровыхъ должна была привести къ осязательнымъ результатамъ, стать реальнымъ фактомъ. Участники добровольческихъ дружинъ, въ наши дни съ такимъ воодушевленіемъ рвавшіеся на борьбу съ турками и принявшіе интенсивное участіе въ этой борьбѣ, когда русскія войска вступили въ предѣлы Турецкой Арменіи,—идейные потомки и преемники „новыхъ людей“, выведенныхъ Раффи въ ту знаменательную пору! И, когда въ 1914 году мы перечитываемъ его произведенія, написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ предыдущей русско-турецкой войны, мы невольно переносимся въ атмосферу смѣлыхъ надеждъ, иллюзій и упованій, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуемъ, сколько есть

сходнаго между тою эпохою—и развертывающимися на нашихъ глазахъ событіями, обещающими принести, наконецъ, угнетеннымъ малоазіатскимъ христіанамъ освобожденіе отъ турецкаго ига, котораго они, по видимому, должны были добиться еще въ 1878 году.

Въ ту пору, когда появились тенденціозныя повѣсти Раффи, создались и боевыя, дышащія негодованіемъ, скорбью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрою въ будущее, стихотворенія Рафаэла Патканьяна. Для проведенія своихъ идей въ общество и народную массу поэтъ избралъ легкую, непритязательную по виду, но подчасъ необыкновенно сильно дѣйствующую на умы и сердца форму пѣсни. „Свободныя пѣсни“—такъ названъ былъ циклъ этихъ патріотическихъ стихотвореній, въ короткое время разошедшихся въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, имѣвшихъ крупный, безспорный успѣхъ. Небольшія, сжато выраженные, безъ особенной заботы объ отдѣлкѣ языка, иногда представляющаго собою смѣшеніе различныхъ народныхъ діалектовъ, эти стихотворенія, каждый куплетъ которыхъ, по большей части, заканчивается однимъ и тѣмъ же припѣвомъ, оттѣняющимъ основную идею, прямо созданы были для того, чтобы расходиться во множествѣ экземпляровъ среди народа, вдохновлять массу, оказывать вліяніе на умы. Ихъ заучивали наизусть, переписывали, декламировали передъ публикой. Съ теченіемъ времени они оказали вліяніе на молодыхъ поэтовъ, посвятившихъ свое творчество, въ той или другой степени, отраженію національной скорби и порывовъ къ лучшему будущему,—подобно тому, какъ по стопамъ Раффи пошли такіе писатели новѣйшаго времени, какъ извѣстные теперь и рус-

скимъ читателямъ беллетристы Папазянь и Агароньянь, прибавившіе немало новыхъ штриховъ къ картинѣ турецкихъ и курдскихъ звѣрствъ—и армянскаго безправія.

„Свободныя пѣсни“, независимо отъ захватывающаго паэоса національной скорби и протеста, который въ нихъ чувствуется, отличаются большою своеобразиемъ. То это — „Ванская молитва“ — патриотическое стихотвореніе, содержащее въ себѣ мольбы къ Богу о пощады, о помощи, о спасеніи армянскаго народа, причемъ каждый куплетъ кончается словами „Господи помилуй“,—или „Ванское Отче нашъ“, въ которомъ прошенія молитвы Господней чередуются съ мольбами объ освобожденіи родины отъ турецкаго владычества. То выступаетъ съ грустною повѣстью своей жизни „Старикъ-Ванецъ“, который съ горечью спрашиваетъ: за чьи грѣхи Богъ заставляетъ его еще жить на землѣ, послѣ того, какъ отца его бросили въ тюрьму, мать заперли въ свое время въ гаремъ, сынъ его былъ потомъ убитъ курдами, а двухъ дочерей похитили турки. То мы слышимъ покорный голосъ забитаго и приниженаго народа, который, въ порывѣ отчаянія, не смѣя думать о борьбѣ, готовъ все отдать своимъ мучителямъ,—свое имущество, жизнь своихъ сыновей, честь своихъ цѣломудренныхъ дочерей, — „быть можетъ, султанъ скалится надъ бѣдными армянами“. „Молчи, несчастный народъ“, прерываетъ поэтъ эти малодушныя рѣчи потерявшихъ вѣру въ будущее людей. „Ты хочешь быть свободнымъ, я знаю твое желаніе, — но не дождешься ты этого дня. Знаешь ли ты, гдѣ твое счастье, слава и свободная жизнь? На остриѣ твоего

меча“. Иногда поэтъ выводитъ, однако, и смѣльчачковъ, новыхъ людей изъ народа, влагая имъ въ уста бодрія рѣчи, воинственныя пѣсни. Въ стихотвореніи „Пѣсня ванской матери“ мужественная женщина поетъ у колыбели сына, но не для того, чтобы его усыпить или съ этихъ поръ уже учить его уступчивости и покорности, какъ нянька некрасовскаго Еремушки — своего питомца, а чтобы рассказать ему, что для родины восходитъ солнце новой жизни, что въ связи съ начавшейся войной—„золотой тронъ султана пошатнулся“, и всѣ готовятся къ борьбѣ; пусть же и мальчикъ впоследствии пойдетъ по этому пути! Вотъ пахарь-армянинъ, идя за плугомъ и погоняя своихъ буйволовъ, поетъ о томъ, что скоро онъ сломаетъ этотъ плугъ и перекуетъ его въ саблю и мечъ, потому что настало время бороться съ турками. Вотъ передъ нами „Ванскій удалецъ“, красивый и отважный юноша; силы кипятъ въ немъ, онъ можетъ вырвать деревья съ корнемъ, остріемъ меча рубать пополамъ куски желѣза; такихъ, какъ онъ, много въ Турецкой Арменіи,—не было только до сихъ поръ разумаго, цѣлесообразнаго приложенія для ихъ силъ; „скажите“, этими словами кончается каждый куплетъ, — „что мнѣ дѣлать?“ *)

Бодрыми надеждами и пожеланіями успѣха русскому оружію началась для армянскаго міра война 1877—78 года. Съ каждымъ пораженіемъ турецкихъ войскъ надежда на скорое избавленіе все тверже и

*) Стихотворенія Патканьяна въ русскомъ переводѣ—см. въ хрестоматіи „Армянская Муза“ (1907) и въ книгѣ „Пѣвецъ гражданской скорби Р. Патканьянъ“ (1904).

опредѣленнѣе укоренялась въ умахъ армянскихъ патриотовъ. Но исходъ войны не оправдалъ тѣхъ ожиданій, какія на нее возлагались. Большая часть Турецкой Арменіи по-прежнему осталась во власти турокъ; казавшееся одно время очень близкимъ освобожденіе отъ ига, или, по крайней мѣрѣ, полученіе извѣстной автономіи и реформъ, такъ и не вышло изъ области мечтаній и плановъ... Въ иныхъ отношеніяхъ турецкій режимъ сталъ даже еще болѣе тягостнымъ послѣ 1878 года, отчасти — потому, что армянамъ вдвойнѣ трудно было вернуться къ старымъ порядкамъ послѣ временной вспышки смѣлыхъ надеждъ и порывовъ, отчасти — вслѣдствіе того, что турецкое правительство и мѣстныя власти точно хотѣли выместить на беззащитномъ населеніи понесенныя ими на войнѣ неудачи. За взрывомъ патриотическаго воодушевленія послѣдовало въ армянскомъ обществѣ и интеллигенціи разочарованіе, уныніе, чувство неудовлетворенности. Это настроеніе отразилось отчасти и въ творчествѣ Патканьяна, еще недавно полнаго надеждъ и бодрости. Въ стихотвореніи „Конгрессъ“ онъ уже указываетъ на то, что положеніе армянской земли еще ухудшилось послѣ войны, что „цѣпи, снятыя съ славянскихъ народовъ, возложены были на армянъ“. Впослѣдствіи такое пессимистическое настроеніе должно было въ значительной степени утратить свою прежнюю остроту, снова смѣниться вѣрою въ то, что Турецкая Арменія все же не умретъ, что ей суждено извѣдать лучшіе дни, какъ бы мраченъ ни былъ въ извѣстный моментъ ея небосклонъ. Но въ ту пору, послѣ русско-турецкой войны, единственнымъ утѣшеніемъ для

(21305) 78
 1254-99

армянъ могъ служить 16-ый параграфъ Санъ-Стефанскаго договора, гарантировавшей, хотя бы въ общей, не разработанной въ деталяхъ, формѣ извѣстныя преобразованія злополучному населенію пограничныхъ съ русскими владѣніями вилайетовъ. Этотъ параграфъ, включеніе котораго въ договоръ вызвано было настойчивыми хлопотами константинопольскаго армянскаго патріарха Нерсеса, страшившагося за участь своихъ единовѣрцевъ послѣ заключенія мира и ухода русскихъ войскъ, гласилъ: „Такъ какъ выходъ русскихъ войскъ изъ мѣстностей, которыя они занимаютъ въ Арменіи и которыя должны быть возвращены Турціи, можетъ послужить поводомъ къ столкновеніямъ и осложненіямъ, могущимъ испортить хорошія отношенія между обоими государствами, то Высокая Порта обязывается осуществить безъ дальнѣйшаго замедленія тѣ улучшенія и реформы, которыя требуются мѣстными нуждами провинцій, населенныхъ армянами, и обезпечить ихъ безопасность противъ курдовъ и черкесовъ“*). Этотъ параграфъ, такъ или иначе составляющій извѣстную дату въ исторіи армянскаго вопроса, легъ въ основу 61-го параграфа Берлинскаго трактата, тоже относящагося къ Турецкой Арменіи.

Согласно съ общей тенденціей этого трактата, да и самаго конгресса, вопросъ о проведеніи реформъ въ турецко-армянскихъ вилайетахъ перенесенъ былъ этимъ новымъ параграфомъ въ область между-

*) Цитируемъ по статьѣ Ролень-Жакмена „Арменія, армяне и трактаты“ (пер. С. К. А.). См. книгу „Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ“ (1896).

2. Арменія.

народныхъ, а не только русско-турецкихъ отношеній, подчиненъ контролю европейскихъ державъ. Начало 16-го параграфа Санъ-Стефанскаго договора, съ упоминаніемъ о русскихъ войскахъ и занятой ими территории, отпало, въ концѣ же прибавлена была слѣдующая фраза: „Высокая Порта будетъ періодически сообщать о мѣрахъ, принятыхъ ею въ этомъ направленіи, державамъ, которыя будутъ слѣдить за ихъ исполненіемъ“. Какъ бы ни относиться къ Берлинскому трактату, нельзя отрицать, что онъ все же констатировалъ, подобно предыдущему договору, необходимость реформъ въ Турецкой Арменіи и, повидимому, давалъ извѣстныя гарантіи того, что эти реформы, дѣйствительно, будутъ проведены въ жизнь. Къ сожалѣнію, на практикѣ всѣ эти начинанія не привели ровно ни къ чему. Какъ вѣрно замѣтилъ одинъ изъ слѣдователей, хорошо знакомый съ турецкими порядками, нѣтъ правительства, болѣе щедрого на громкія обѣщанія, чѣмъ турецкое. Съ 1878 года и вплоть до нашихъ дней Порта уже много разъ умѣла отдѣлываться разнаго рода „отписками“, торжественными, но совершенно безпочвенными заявленіями, лицемѣрнымъ подчеркиваніемъ якобы одушевляющихъ ее гуманныхъ и культурныхъ принциповъ. При первыхъ же попыткахъ провѣрить голословныя утвержденія, изучить подлинное положеніе дѣлъ, открывались ужасные, вопіющіе факты. Какъ разъ конецъ XIX вѣка, вопреки всѣмъ трактатамъ и параграфамъ, ознаменованъ былъ грубымъ проявленіемъ фактическихъ турецкихъ порядковъ. Въ 1890 году произошла извѣстная Эрзерумская рѣзня, при чемъ слабыя попытки армянскаго населенія воспротивиться своевольному обращенію ту-

рецихъ солдатъ и чиновниковъ были потоплены въ волнахъ крови. Къ 1894 году относится грандіозная рѣзня въ Сасунѣ, — нѣчто совершенно чудовищное, выполненное по заранѣ составленному плану, при трогательномъ единодушіи курдскихъ шаекъ и регулярныхъ турецкихъ войскъ; эта рѣзня, съ которою былъ связанъ рядъ отдѣльныхъ эпизодовъ, одинъ возмутительнѣе другого, — вмѣстѣ съ погромами и избіеніями 1895 года, вызвали коллективное вмѣшательство Россіи, Франціи и Англии, разслѣдованіе всѣхъ этихъ кровавыхъ событій, выработку проекта реформъ для Арменіи.

Но и послѣ всего этого участь турецкихъ армянъ осталась плачевной, и понадобились новые шаги и дипломатическія представленія, чтобы хоть нѣсколько двинуть впередъ разрѣшеніе армянскаго вопроса... Даже пресловутая турецкая конституція, которая должна была, какъ предполагали, гарантировать равенство передъ закономъ всѣмъ подданнымъ Оттоманской имперіи, вообще утвердить царство законности, вѣротерпимости, начала культуры и прогресса, не измѣнила въ корнѣ застарѣлаго порядка вещей. Уже одинъ тотъ фактъ, что при новомъ режимѣ могли, хотя бы и изрѣдка, происходить, какъ и раньше, при Абдуль-Гамидѣ, погромы, въ родѣ Аданскаго, — одного изъ самыхъ кровопролитныхъ, — краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, какое бесплодное занятіе — вливать новое вино въ старыя мѣхи, какъ неосторожно возлагать надежду на отвлеченные принципы, когда общій духъ и строй государственнаго организма остается неизмѣннымъ. Слишкомъ ясно также, что турецкая конституція, предоставляя извѣстныя права турецкимъ гражданамъ, была въ то же

время проникнута стремленіемъ нивелировать національныя особенности подвластныхъ Турціи народовъ, свести на нѣтъ тѣ преимущества и особыя узаконенія, которыхъ, еще при старомъ режимѣ, такъ или иначе добились, если не провинціальныя, то константинопольскія христіанскія общины. Такимъ образомъ, и въ XX вѣкѣ Турція все еще является какимъ-то анахронизмомъ, пережиткомъ варварскаго прошлаго; уже почти изгнанная изъ Европы, утративъ тамъ постепенно почти всѣ свои владѣнія, она точно старалась все время отыгратъ на своихъ азіатскихъ провинціяхъ, показать, что тамъ, по крайней мѣрѣ, никто ей не указъ, что она тамъ можетъ дѣйствовать, какъ ей вздумается, прикрывая иногда свои поступки громкими фразами и торжественными завѣреніями, — которыя, какъ она знала по опыту, все равно, ни къ чему не обязываютъ. Понятно, поэтому, какой откликъ нашла въ армянскомъ обществѣ вѣсть о началѣ русско-турецкой войны 1914 года: многимъ невольно должна была притти въ голову мысль, что торжество Россіи въ данномъ случаѣ можетъ дать Турецкой Арменіи то, о чемъ мечтали съ давнихъ поръ и публицисты, и поэты, и простые граждане, и что не могло быть вплоть до нашихъ дней достигнуто никакими дипломатическими нотами и словесными представленіями.

Турки—далеко не единственный народъ, угнетавшій Арменію, дѣлавшій ее объектомъ поборовъ и опустошеній, или театромъ ожесточенныхъ военныхъ дѣйствій, часто не имѣвшихъ къ ней непосредственнаго отношенія, такъ какъ на ея территоріи разрешались споры между сосѣдними государствами. Въ силу своего географическаго положенія, находясь, если можно

такъ выразиться, на дорогѣ у болѣе могущественныхъ племенъ, не разъ проникавшихъ насильственнымъ путемъ въ ея предѣлы или пытавшихся пройти черезъ нее, разъ это было для нихъ выгодно, она много вынесла въ прошломъ, и ея исторія во многихъ случаяхъ превращалась въ потрясающую трагедію, въ сплошной мартирологъ. Ассирійцы, паряне, римляне, персы, арабы, византійскіе греки, монголы, турки—въ разное время завоевывали, опустошали, вырывали другъ у друга несчастный край... Временами являясь большимъ вліятельнымъ государствомъ, съ выходомъ къ морю, обширными торговыми сношеніями и довольно высокимъ культурнымъ уровнемъ, Арменія, съ другой стороны, много разъ служила какъ бы яблокомъ раздора между болѣе сильными, могущественными сосѣдями, — Византійской имперіей и Персіей, Персіей и Турціей. Еще до паденія армянскаго царства (слѣдуетъ замѣтить, что послѣдній армянскій царь, Леонъ VI, правившій Малой Арменіей или Киликіей, умеръ въ Парижѣ въ 1393 году) армянской землѣ приходилось страшиться вражескихъ нашествій или затяжного иноземнаго гнета. Но, постоянно подвергаясь опасности, вынося тяжелые удары, она не разъ играла важную историческую роль въ томъ отношеніи, что сдерживала и принимала на себя весь напоръ дикихъ полчищъ, стремившихся все дальше въ своемъ непреклонномъ и неустанномъ движеніи, — и этимъ оказывала громадныя услуги дѣлу обще-европейской культуры, предохраняя ее отъ нашествій и дикаго вандализма*).

*) Невольно вспоминается аналогичная роль древней Руси, также неоднократно предохранявшей Европу отъ нашествія кочевниковъ и принимавшей на себя ихъ удары. Эта заслуга Руси

Не мало притѣсненій въ области политической и религиозной пришлось когда-то вытерпѣть Арменіи со стороны Персіи; въ національныхъ преданіяхъ и литературныхъ памятникахъ сохранились воспоминанія о героической борьбѣ съ персами, желавшими, напримеръ, въ V вѣкѣ искоренить въ Арменіи христіанство, о битвѣ на Аварайрскихъ поляхъ (451 г.), во время которой погибъ прославленный впоследствии едва ли не всѣми армянскими поэтами герой — Вартанъ Мамиконьянъ, съ его сподвижниками. Въ общемъ, исторія Арменіи есть, прежде всего, исторія упорной борьбы, во многихъ случаяхъ — исторія страданій, связанныхъ съ вмѣшательствомъ другихъ народовъ и государствъ въ ея внутреннія дѣла, и ихъ стремленіемъ лишить ее самобытности. „Если Писаніе правильно толкуется“, замѣтилъ Байронъ въ 1817 году, „то рай былъ расположенъ именно въ Арменіи, которая заплатила также дорого, какъ и потомки Адама вообще, за мимолетное участіе ея почвы въ блаженствѣ того, кто былъ созданъ изъ ея праха; тамъ начала спадать вода послѣ потопа и вылетѣлъ голубь. Но почти что съ исчезновеніемъ рая начались и несчастья страны, потому что, хотя она долгое время была могущественнымъ царствомъ, она рѣдко была независима; персидскіе сатрапы и турецкіе паши въ равной степени содѣйствовали разоренію того края, гдѣ Богъ создалъ человѣка по образу своему и подобію“ *). Но, если Арменіи, даже

отмѣчена, какъ извѣстно, въ концѣ стихотворенія Майкова „Клермонтскій соборъ“, гдѣ говорится о томъ, что Русь была „сторожевымъ Европы станомъ“, — „отдѣльно, далеко отъ братьевъ вели мы свой крестовый бой“.

*) Перев. А. А. Веселовской.

въ пору существованія армянскаго царства, приходилось неоднократно выносить посягательства грубой силы на ея вѣру, языкъ, національную самобытность, то, въ частности, турецкій гнетъ является однимъ изъ наиболѣе мрачныхъ, трагическихъ и возмущающихъ нравственное чувство эпизодовъ этого національнаго мученичества! Положеніе армянъ въ Персіи въ настоящее время измѣнилось къ лучшему, и рассказы о томъ, что еще въ началѣ XIX вѣка терпѣли персидскіе армяне, теперь уже представляетъ только историческій интересъ. Но бѣдствія армянъ турецкихъ еще не отошли въ область преданія, — и, быть можетъ, только теперь наступаетъ ихъ конецъ. То, что мы знаемъ о положеніи вещей въ Турецкой Арменіи, представляетъ собою, къ сожалѣнію, нѣчто реальное, еще вполне современное, вдвойнѣ ужасное именно потому, что оно оказалось возможнымъ въ наши дни, когда внѣшняя культура проникла даже въ незатронутые ею раньше уголки, и даже Турція поневолѣ должна была заимствовать кое-что съ Запада... Турецкія безчинства и поборы, удержавшіеся и въ наши дни, — наряду съ германскими звѣрствами, которыми ознаменованы были отдѣльные эпизоды текущей войны, — служатъ, однако, краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что одна внѣшняя культура еще ничего не означаетъ, и что извѣстныя техническія усовершенствованія и благообразіе внѣшняго облика могутъ уживаться съ душевною грубостью и отсутствіемъ истинной человѣчности!

Когда о бѣдствіяхъ армянскаго населенія Малой Азіи мы узнаемъ изъ произведеній романистовъ и поэтовъ, можетъ, пожалуй, явиться подозрѣніе, — исполнѣ ли точную картину даютъ намъ эти писатели, нѣтъ

ли въ данномъ случаѣ преувеличеній, чрезмѣрной односторонности картинъ и характеристикъ, совершенно невольныхъ, быть можетъ, отступленій отъ подлинной, неприкрашенной дѣйствительности. Но, увя! то, что мы находимъ въ литературныхъ произведеніяхъ, иногда поразительно совпадаетъ съ фактическими данными, приводимыми въ дипломатическихъ документахъ, въ Синихъ Книгахъ, донесеніяхъ консуловъ и пословъ, протоколахъ слѣдственныхъ комиссій. „То не сказка далекой, сѣдой старины: то печальный удѣлъ беззащитной страны“, восклицаетъ въ одномъ случаѣ Патканьянъ, описывая возмутительныя картины турецкаго произвола и жестокости. Иногда подлинныя, голыя, сухіе факты дѣйствуютъ на насъ не менѣе сильно, чѣмъ отголоски тѣхъ же звѣрствъ и притѣсненій въ художественномъ творествѣ. Всѣ эти дѣловые, сдержанные отчеты о томъ, что именно творилось въ извѣстный моментъ въ томъ или другомъ вилайетѣ, какія тамъ развертывались событія, много ли было жертвъ, какъ отразилось все это на матеріальномъ положеніи народа, иногда потрясаютъ до глубины души, при всей ихъ внѣшней безстрастности. „Раны Арменіи“—такъ былъ озаглавленъ написанный еще въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія патріотическій романъ Хач. Абовьяна, оказавшій сильное вліяніе на идеологію армянской интеллигенціи*). О тяжелыхъ,

*) Отрывокъ изъ этого замѣчательнаго произведенія въ русскомъ переводѣ впервые напечатанъ былъ въ сборникѣ „Армянскіе Беллетристы“, т. I (М. 1893); тамъ же и критико-біографическій очеркъ, посвященный Абовьяну. Болѣе обширный отрывокъ изъ „Ранъ Арменіи“ только что появился въ „Восточномъ сборникѣ“, изд. въ честь проф. А. Н. Веселовскаго (1914).

мучительныхъ ранахъ Арменіи узнаемъ мы и тогда, когда знакомимся съ тѣми жалобами, петиціями и протестами, какіе исходили за послѣднія десятилѣтія изъ армянской среды.

Но, если бы нужно было указать одну изъ главныхъ, основныхъ причинъ всѣхъ этихъ бѣдствій и невзгодъ, несомнѣнно, слѣдовало бы назвать въ первую очередь отсутствіе законности и правосудія, фактическое господство и преобладаніе однихъ—и безправіе, беззащитное положеніе другихъ, никогда не чувствовавшихъ, чтобы ихъ жизнь, семья, собственность кѣмъ-либо охранялись.

Тотъ фактъ, что въ отдѣльныхъ актахъ турецкаго правительства, особенно—въ тѣхъ, о которыхъ должно было быть доведено до свѣдѣнія европейскихъ державъ, устанавливались чуть ли не конституціонныя гарантіи, признавалось равенство всѣхъ передъ закономъ и т. п., отнюдь не измѣняетъ настоящаго положенія вещей. Одна вещь—декорація, красивый жестъ, рассчитанное на эффектъ заявленіе, другая—подлинная, неприкрашенная дѣйствительность!.. Вплоть до новѣйшаго времени свидѣтельство христіанина не принималось въ соображеніе даже въ той категоріи судовъ, которая по закону не имѣла права дѣлать различій между показаніями магометанъ и „гяуровъ“. Армяне, правда, могли показывать на судѣ, но ихъ словамъ не придавалось значенія, разъ они не совпадали съ тѣмъ, что заявляли свидѣтели-магометане. Многія преступленія курдовъ и турокъ оставались безнаказанными, якобы за отсутствіемъ уликъ; десятки армянъ могли при этомъ выступать въ качествѣ свидѣтелей, но, разъ всѣ магометане, наоборотъ, отрицали,

по вполне понятнымъ причинамъ, наличность преступнаго дѣянія, вопросъ въ такихъ случаяхъ считался вполне выясненнымъ и исчерпаннымъ. Важность показаній свидѣтелей-магометанъ, кто бы они ни были, создала такую аномалію, какъ подкупъ иногда совершенно непричастныхъ къ дѣлу людей, которые за извѣстную мзду соглашались фигурировать на судѣ въ качествѣ „свидѣтелей“, подтверждая то, что говорили дѣйствительно знакомые съ обстоятельствами дѣла армяне.

Помимо этого, тѣ суды, къ которымъ приходилось обращаться турецкимъ армянамъ, отличались цѣлымъ рядомъ вопіющихъ дефектовъ. Взятничество, лицепріятіе, кумовство, иногда круглое невѣжество судей, невозможная судебная волокита и канцелярщина—вотъ главные черты этихъ архаическихъ учреждений. Сколько разъ явные преступники выходили оправданными только потому, что у нихъ были связи и протекція въ Константинополѣ или въ средѣ мѣстной, провинціальной администраціи! Въ свое время неподдѣльное негодование вызвалъ не только въ армянскомъ мірѣ, но отчасти и въ Европѣ, процессъ курдскаго вождя-разбойника Мусса-бея, который остался безнаказаннымъ, былъ оправданъ съ нарушеніемъ самой элементарной справедливости.—несмотря на то, что истинная фізіономія этой темной личности, терроризировавшей все мѣстное армянское населеніе, выяснилась съ достаточной опредѣленностью. Въ своей интересной статьѣ „Положеніе дѣлъ въ Турецкой Арменіи“ Э. Диллонъ передалъ необыкновенно характерную бесѣду свою съ другимъ курдскимъ вождемъ, по имени Мостиго, который былъ заключенъ въ тюрьму

за цѣлый рядъ преступленій. Диллонъ предполагалъ, что одною изъ причинъ этого заключенія и грозившей Мостиго казни были ограбленія армянскихъ деревень, насилія надъ женщинами, поджоги и пр.—но вотъ что онъ услышалъ въ отвѣтъ: „Это не имѣетъ ничего общаго съ моимъ тюремнымъ заключеніемъ. Я не былъ бы наказанъ за ограбленіе армянъ. Мы всё это дѣлаемъ!.. Если меня повѣсятъ, то за нападеніе на турецкій постъ и ограбленіе его, а также за изнасилованіе жены турецкаго полковника, находящагося теперь въ Эрзерумѣ. Но совсѣмъ не за армянъ! Что они такое, чтобы я пострадалъ изъ за нихъ“?*)

Это сознаніе, что по отношенію къ армянамъ и магометанамъ могутъ существовать и быть терпимыми, если не прямо поощряемыми, совершенно неодинаковыя этическія нормы, естественно, должно было дѣйствовать деморализующимъ образомъ на тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находилась судьба армянскаго населенія. „Слабъ, безсиленъ законъ, произволомъ гонимъ; не даетъ онъ народу спасенья“,—писалъ въ 60-хъ годахъ С. Шахъ-Азизъ**), характеризую безправіе, царившее въ Турецкой Арменіи. Сколько разъ случалось, что привлеченный, вопреки всему, къ отвѣтственности турецкій чиновникъ, беззаконія котораго стали уже слишкомъ очевидными, вмѣсто наказанія, удостоивался повышенія и отличія, получалъ ордена или самыя лестныя предложенія съ

*) „Положеніе армянъ въ Турціи“, стр. 347.

**) См. о немъ нашу книгу „Армянскій поэтъ С. Шахъ-Азизъ“ (критич. этюдъ, стихотворенія въ переводѣ русск. поэтовъ, иллюстраціи худ. В. Суреньянца; 2-е изд.; М. 1905).

береговъ Босфора, гдѣ у него были вліятельные родственники или знакомые, оберегавшіе его отъ всякихъ непріятностей и умѣвшіе замолвить за него, кому нужно, словечко... Совершенно такъ же процессы о насиліяхъ надъ женщинами и грабежахъ нерѣдко приходилось разбирать такимъ людямъ, которые были заодно съ насильниками и грабителями, иногда были даже ихъ друзьями: они судили ихъ только для отвода глазъ, иногда сами были повинны въ такихъ же преступленіяхъ, какія ставили въ вину подсудимымъ,— да и ставили только потому, что дѣло въ данномъ случаѣ слишкомъ огласилось, и нельзя было спрятать концы въ воду *)!

Сейчасъ было упомянуто о курдахъ и объ откровенномъ цинизмѣ одного изъ ихъ вождей, — который, кстати сказать, во время все той же бесѣды съ Диллономъ хвастался своими „великими дѣлами“, утверждая, что ихъ всѣ даже не перескажешь, и что они, навѣрное, привели бы въ восхищеніе „двѣнадцать державъ“, — т.-е. весь свѣтъ. Хищническіе набѣги курдовъ, въ соединеніи съ организованнымъ турецкимъ гнетомъ, были съ давнихъ поръ одною ихъ самыхъ мучительныхъ „ранъ Арменіи“... Принужденные постоянно имѣть дѣло съ курдами, жившими въ той же странѣ, но только въ исключительныхъ случаяхъ подерживавшими съ ними добрососѣдскія отношенія, турецкіе армяне немало выносили отъ этого дикаго, неукротимаго племени, когда то нелишеннаго извѣст-

*) О совершенно невѣроятныхъ, съ европейской точки зрѣнія, турецкихъ процессахъ см., между прочимъ, въ брошюрѣ Гр. Діева „Армянскій вопросъ въ Турціи“ (М. 1893).

наго благородства и рыцарскихъ чувствъ, но постепенно деморализовавшагося, привыкшаго жить на чужой счетъ, избавляя себя отъ необходимости трудиться и думать о завтрашнемъ днѣ. Недаромъ соотвѣтствующія статьи Санъ-Стефанскаго договора и Берлинскаго трактата предусматривали возможность курдскихъ звѣрствъ надъ беззащитнымъ населеніемъ. Хорошо вооруженные, тогда какъ армянамъ запрещено было носить оружіе, легко поддававшіеся вліянію фанатизма, къ тому же алчные до денегъ, курды постоянно искали случая напасть на „гяуровъ“. Часто случалось, что, едва успѣвали свезти хлѣбъ съ армянскихъ полей, какъ внезапно на деревню налетали отряды курдовъ, которые, почуявъ добычу, являлись, чтобы поживиться на чужой счетъ. Тутъ ужъ никому не было пощады; малѣйшее сопротивленіе влекло за собою дикую расправу. Тѣ самые курды, которые, теперь во время войны не разъ обращались въ поспѣшное бѣгство подъ натискомъ русскихъ войскъ, чувствовали себя настоящими героями въ беззащитной армянской деревнѣ... Они вторгались въ дома, похищали запасы, издѣвались надъ запуганными и принижеными хозяевами, надъ ихъ личною и національною честью, зачастую совершали насиліе надъ женщинами, увозили нѣкоторыхъ изъ нихъ въ плѣнъ и, наконецъ, покидали деревню, нерѣдко оглашаемую криками раненыхъ и освѣщаемую заревомъ пожара.

Эти набѣги и безчинства курдовъ неоднократно изображались армянскими романистами и поэтами, рисовавшими картины турецко-армянской дѣйствительности. У поэта 80-90 годовъ минувшаго вѣка Леренца, въ его поэмѣ „Крестьянинъ“, мы находимъ,

напримѣръ, слѣдующія строфы, характеризующія участь армянскаго поселянина, принужденнаго не только вообще бѣдствовать, но и вѣчно страшиться курдскихъ набѣговъ и поборовъ:

О, сынъ Арменіи, несчастный, угнетенный!
Ты много горя перенесъ!..
Какъ мученикъ, какъ рабъ, въ темницу заключенный,
Ты проливаешь море слезъ.

Съ согбенною спиной, съ понурой головою,
Ты трудишься весь день.
Ты землю оросишь кровавою слезою, —
А впереди... хотя бы счастья тѣни!

Когда, съ косою въ рукахъ, ты безоруженъ въ полѣ,
Тебя терзаетъ курдъ, мечомъ своимъ губя, —
И дома, средь семьи, въ твоей несчастной долѣ, —
Злой курдъ и тамъ преслѣдуетъ тебя!

Кругомъ — гоненія... кругомъ — грабежъ, угрозы...
Ты одинокъ въ страданіяхъ своихъ;
Другіе же тебѣ приносятъ скорбь и слезы, —
И трудишься ты вѣчно для другихъ!...*)

„Армяне“, читаемъ мы въ капитальномъ, прекрасно иллюстрированномъ трудѣ Линча „Арменія“**), заключающемъ въ себѣ цѣнный и разнообразный матеріалъ, — „ближайшіе и наименѣе опасные сосѣди курдовъ, но храбрый курдъ, отправляясь въ набѣгъ, надѣваетъ на себя винтовку русскаго образца и поясъ, утыканный патронами; жертвы же его, по жестокому и циничному постановленію правительства, лишены права ношенія какого бы то ни было оружія.

*) Перев. Л. Уманца.

**) „Арменія“, путевые очерки и этюды Х. Линча. Переводъ Е. Джуновской. Томъ II: Турецкія провинціи.

Если курда поймаютъ на мѣстѣ преступленія и приведутъ къ гражданскимъ властямъ, онъ съ презрѣніемъ отвергнетъ гражданскій судъ и потребуетъ, чтобы его, какъ рядового корпуса гамидіа, судили его собственные военные начальники. Отдѣлавшись съ успѣхомъ отъ гражданскихъ властей, ему обыкновенно удается умаслить и военное начальство, тогда какъ потерпѣвшая сторона подвергается новой обидѣ, которую она переноситъ уже безъ жалобы“. Естественно, что на курдскіе отряды, частью получившіе, какъ извѣстно, болѣе или менѣе регулярную военную организацію, возлагались всегда особая надежды турецкимъ правительствомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда признавалось нужнымъ предпринять избиеніе армянъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей по армянскому вопросу покойный Гладстонъ коснулся „распространеннаго мнѣнія“, что турецкое правительство „поставило себѣ цѣлью истребить христіанское населеніе въ Оттоманской Имперіи, особенно—въ Арменіи“. Выражая надежду, что это утвержденіе несправедливо, считая неумѣстнымъ самое слово „истребленіе“, Гладстонъ все же долженъ былъ признать, что „существуютъ доводы, повидимому, подтверждающіе его“... Въ настоящее время можно высказаться болѣе категорически по этому вопросу. Что избиенія устраивались съ извѣстною „планомѣрностью“, устраивались периодически,—это не подлежитъ сомнѣнію. Сами курды, привлекавшіеся къ участию въ леденящихъ душу звѣрствахъ и погромахъ, затѣмъ откровенно и непринужденно рассказывали о томъ, какъ все это было устроено. Организаторами этихъ кровавыхъ событій, дѣйствительно, руководило желаніе, если не истре-

бить совсѣмъ армянскій элементъ, то, во всякомъ случаѣ, насколько возможно, сократить его. Каждая неудача турецкаго правительства во внѣшней политикѣ вымещалась обыкновенно на армянахъ, — благо они долгое время не давали никакого отпора и вѣками приучены были къ терпѣнію и покорности. Недаромъ Патканьянъ въ концѣ своего потрясающаго стихотворенія „Армянская кровь“, написаннаго по поводу одного звѣрскаго избіенія, обратился къ своему народу съ полнымъ горечи вопросомъ:

Но доколѣ, о братъ мой, ты будешь терпѣть?
Иль съ несчастьемъ своимъ ты миришься, — отвѣтъ!
Иль печальную вѣсть ты-бъ услышать хотѣлъ:
„Нѣтъ на свѣтѣ армянъ,—древній край опустѣлъ“.

Но терпѣніе, пассивность, упадокъ энергіи еще не были самымъ печальнымъ явленіемъ въ этомъ случаѣ. Патканьянъ въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ заклеилъ тѣхъ своихъ соплеменниковъ, которые подлаживались къ турецкому правительству и, занимая видное положеніе, готовы были „благодарить“ султана и его приспѣшниковъ за ихъ образъ дѣйствій въ Арменіи. Ёдкимъ сарказмомъ дышитъ связанное съ подлиннымъ фактомъ стихотвореніе „Адресъ султану отъ лица 36-ти армянскихъ эфенди-измѣнниковъ“. Вотъ за что благодарятъ эти продавшіеся люди кроваваго Абдуль-Гамида, достойнаго друга Германіи и Вильгельма:

Благодаримъ тебя, великій нашъ султанъ,
За то, что разорилъ ты грустный край армянъ,
Что гибли тысячи по твоему велѣнію,
И села мирныя ты предалъ разрушенью!

Хвала и честь тебѣ, могучій государь,
За то, что свой Коранъ ты свято чтешь, какъ встарь,
Надъ нашей вѣрою глумишься безпощадно,
И оскверняешь крестъ надменно и злорадно.

Благодаримъ тебя, великій падишахъ.
За то, что милъ тебѣ армянъ забитыхъ страхъ,
Что другомъ ты назвалъ черкеса, не краснѣя,
И курда дикаго, разбойника-злодѣя!

Въ повѣсти Раффи „Хентъ“ довольно важную роль играетъ нѣкто Томасъ-эфенди, армянинъ родомъ, состоящій на турецкой службѣ. Въ Турціи иногда можно видѣть армянъ на высшихъ ступеняхъ государственной лѣстницы. Но, къ сожалѣнію, эти лица по большей части являются ренегатами, ничего не дѣлаютъ для облегченія участи своихъ соплеменниковъ, если только не дѣйствуютъ открыто противъ нихъ; они вполне подчиняются вліянію турецкаго и магометанскаго элементовъ, и, получая высокое положеніе, продаютъ свою свободу. Томасъ-эфенди, не занимающій, правда, особенно почетнаго мѣста, тѣмъ не менѣе относится къ той же категоріи лицъ. Въ немъ осталось очень мало армянскаго. Ему ничего не стоитъ обманывать своихъ соплеменниковъ и потомъ издѣваться надъ ними; пользуясь тѣмъ, что одинъ старый крестьянинъ не умѣетъ читать по-турецки, онъ привозитъ ему афишу одного изъ константинопольскихъ театровъ и выдаетъ ее за султанскій фирманъ, заявляя, что въ силу этого фирмана онъ долженъ собрать деньги на какіе-то важные расходы. Онъ относится къ армянскимъ крестьянамъ съ покровительственной снисходительностью,—а, немного выпивъ, онъ, точно новый Хлестаковъ, начинаетъ хвастаться

3. Арменія.

передъ изумленными и заинтересованными слушателями тѣмъ, что онъ въ Константинополь одинъ изъ первыхъ сановниковъ, что у него есть дворецъ на берегу Босфора, что всѣ его уважаютъ и почитаютъ; патриархъ Нерсесъ всегда называетъ его своимъ сыномъ; Нубаръ-паша въ своихъ письмахъ всегда обращается къ нему со словами „любезный другъ“; многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ хотѣли имѣть его своимъ зятемъ, но онъ отвергъ ихъ предложенія... Томасъ-эфенди касается и современныхъ событій, а именно русско-турецкой войны; говоря о „сумасбродствѣ славянъ“, возставшихъ противъ „такого благодѣтельнаго правительства, какъ турецкое“, онъ кстати упоминаетъ о томъ, что и среди армянъ за послѣднее время появились кое-гдѣ сумасброды, шальные люди, — которые мечтаютъ о какой-то автономіи, не понимая, что безъ турецкаго правительства армянскій народъ — ничто... Личность Томасъ-эфенди, представителя этого деморализованнаго слоя армянской націи, едва ли не самая удачная въ романѣ по своей обрисовкѣ; а весь этотъ слой заклеименъ главнымъ героемъ Вартаномъ въ слѣдующихъ горячихъ выраженіяхъ: „Я клевету?!“ восклицаетъ онъ, когда Томасъ-эфенди старается увѣрить всѣхъ, что онъ вовсе не слѣдуетъ турецкимъ обычаямъ: „на тебя, который у турокъ совершаешь намазъ, а на престолахъ армянскихъ церквей велишь служить обѣдню, чтобы пріобрѣсти расположеніе простаго народа?... на тебя, который, находясь у турокъ, говоришь, что всѣ армяне — гяуры, а у армянъ готовъ бранить этихъ же турокъ?!.. на тебя, который доносишь туркамъ на всякаго благороднаго и думающаго о пользѣ своей націи армянина?... на тебя, который

дружишься съ разбойниками, и передъ судомъ даешь ложныя показанія, утверждая, что армяне несправедливо протестуютъ противъ гнета? На тебя, который въ десяти мѣстахъ обвинчался, затѣмъ оставилъ своихъ женъ, и теперь здѣсь снова хочешь вступить въ бракъ?.. Такъ ты не слѣдуешь турецкимъ обычаямъ?.. Но вотъ, что я тебѣ скажу: турокъ въ тысячу разъ благороднѣе армянина въ родѣ тебя, потому что ты не армянинъ и не турокъ“!..

Пробужденіе у турецкихъ армянъ національнаго самосознанія, готовности бороться за свои права и смѣло мечтать объ освобожденіи или автономіи, естественно, не могло быть на руку турецкой администраціи, такъ какъ должно было, въ конечномъ итогѣ, сдѣлать невозможными сцены, въ родѣ тѣхъ, которыя описалъ Патканьянъ въ этихъ потрясающихъ строкахъ:

...Ты видалъ ли, какъ мучать отца твоего,
 Какъ на плаху вѣдутъ, издѣваясь, его;
 Изъ объятій родныхъ вырываютъ дѣтей,
 Гибнетъ жизнь молодая въ рукахъ палачей...
 Ты видалъ ли сестры беззащитной позоръ,
 Сладострастныхъ враговъ торжествующій взоръ?..

Такъ и другой армянскій поэтъ, имя котораго упомянуто было выше, Ованнесь Ованнисянъ, въ наши дни далъ въ своемъ стихотвореніи „Весна“ печальную картину опустошенія и мертвой тишины, смѣнившей собою такого же рода дикій разгулъ мстительныхъ инстинктовъ, жестокости и фанатизма. Поэту кажется, что весна не должна расцвѣтать, точно ничего не измѣнилось, на землѣ, залитой кровью, испытавшей весь ужасъ погрома и бойни:

Все безмолвно въ несчастномъ краю, —
 О, куда же идешь ты, весна?...
 Кто оцѣнить здѣсь прелесть твою?
 Нѣтъ, напрасень приходъ твой, весна!

Всюду мрака зловѣщаго гнѣтъ,
 Обагрилася кровью страна...
 Одну скорбь намъ принеси этотъ годъ!
 О, куда же идешь ты, весна?...

Отъ литературныхъ отголосковъ армянскаго мартиролога вернемся опять къ подлиннымъ фактамъ, иллюстрирующимъ судьбу Турецкой Арменіи, — чтобы дополнить общую характеристику этой судьбы еще нѣкоторыми чертами. Экономическое положеніе турецкихъ армянъ можно, въ общемъ, назвать болѣе, чѣмъ незавиднымъ, несмотря на свойственное имъ трудолюбіе, предприимчивость и энергію*). Совершенно лишенное средствъ, благодаря беспорядочному управленію финансами, государство, неспособное уплачивать свои огромные долги, иногда — даже жалованіе чиновникамъ, обременяло Турецкую Арменію тяжелыми податями и налогами. Взыскивались эти подати съ крайней жестокостью; въ свое время были оглашены подробности тѣхъ истязаній, съ необыкновенной изобрѣтательностью и виртуозностью придуманныхъ, которыми сборщики податей или, вѣрнѣе, сопровождающая ихъ турецкая жандармерія, подвергали лицъ, не имѣвшихъ возможности уплатить то, что отъ нихъ требовали... Иные

*) „Въ Ванскомъ вилайетѣ, какъ замѣчаетъ Реклю, нѣтъ дома, который не былъ бы построенъ руками армянъ, нѣтъ куска туземной матеріи, который не былъ бы вытканъ ихъ же руками, почти нѣтъ плода, который не былъ бы возвращенъ въ ихъ садахъ“. Діевъ, „Арм. вопросъ въ Турціи“, стр. 45.

сборщики, купивъ это званіе съ торговъ, затѣмъ перепродавали его за болѣе дорогую цѣну другимъ лицамъ, при чемъ эта купля-продажа происходила вполне открыто и санкціонировалась, если не закономъ, то обычаемъ, и забитое крестьянство должно было въ иныхъ случаяхъ зависѣть отъ каприза лицъ, даже не занимавшихъ никакого административнаго поста, — совершенно случайно, за извѣстную сумму, ставшихъ, въ иныхъ отношеніяхъ, вершителями судебъ деревенскаго люда. Съ другой стороны, богатые земельные собственники, такъ называемые ага, являлись безжалостными эксплуататорами армянскаго крестьянства, ставя своимъ рабочимъ и батракамъ самыя тяжелыя, невыгодныя условія, изнуря ихъ барщиной, нерѣдко обирая ихъ до послѣдней нитки. „Крѣпостное право — учрежденіе, небезызвѣстное въ этой странѣ“, говоритъ Линчъ въ „Статистическомъ и политическомъ обзорѣ“, заканчивающемъ собою его книгу объ Арменіи. „Крѣпостные армяне извѣстны подъ именемъ Зеръ-Курры, что значитъ: купленные за золото. И, дѣйствительно, они покупаются и продаются курдскими беками и агами совершенно также, какъ овцы и скотъ. Единственная разница въ томъ, что эти люди не могутъ быть оторваны отъ своей земли и продаются вмѣстѣ съ землею, которую они обрабатываютъ“*). „Земля, на которой живетъ армянскій крестьянинъ“, говоритъ одинъ изъ героев романа Раффи „Искры“, „хотя нѣкогда принадлежала его предкамъ, теперь сдѣлалась собствен-

*) Линчъ, „Арменія“, стр. 554. — Интересные факты изъ той же области сгруппированы въ болѣе ранней брошюрѣ Григорія Арцруни „Экономическое положеніе армянъ въ Турціи“ (русск. пер. — М. 1880 г.)

ностью чужихъ ага! Онъ обрабатываетъ чужую землю... Условія же, которыя ага заключаетъ съ работникомъ, до того тягостны и убыточны для послѣдняго, что большею частью его земледѣльческихъ продуктовъ, его прибыли пользуется землевладѣлецъ. Рабочему остается такая незначительная часть, что ею онъ не можетъ удовлетворить даже свои первыя потребности, безъ которыхъ немислимо существовать.

„Таковы и другія условія жизни крестьянина: его хижина находится на землѣ ага, и за нее онъ платитъ налогъ; его стада пасутся на травѣ ага; онъ платитъ налогъ и за нее; самъ крестьянинъ, его семья живутъ на землѣ, которой владѣетъ ага; тамъ они гуляютъ, пьютъ воду—и чтобы сберечь свои головы, опять-таки онъ долженъ платить налогъ. Однимъ словомъ, у крестьянина, кромѣ рабочихъ рукъ, нѣтъ ничего: всею окружающею природою владѣетъ ага, и для того, чтобы работать среди этой природы, онъ принужденъ жертвовать большею частью своего труда.

„Вотъ въ чемъ скрывается причина того, что нашъ народъ, не находя себѣ пропитанія на родной землѣ, безпрестанно переселяется и въ чужихъ краяхъ ищетъ счастья. Но возвращаются ли переселенцы? Нѣтъ! Сколько тысячъ семействъ осталось безъ мужчинъ, сколько тысячъ домашнихъ очаговъ угасло, вслѣдствіе того, что мужчины погибли на чужбинѣ“!

Въ новѣйшее время армянское крестьянство начинаетъ смутно сознать отсталость и уродливость старыхъ формъ экономическаго быта, стремиться къ подъему матеріальнаго благосостоянія, оживленію промысловъ и производствъ, приобрѣтенію въ собственность

земельныхъ участковъ, организаціи вывоза продуктовъ сельскаго хозяйства, основанію кооперативовъ”). Послѣ крушенія турецкаго режима въ Малой Азіи всѣ эти начинанія могутъ, конечно, получить особенно широкое и прочное развитіе!

Наконецъ, турецкій строй отражался и на умственной, духовной жизни армянскаго народа, на всемъ томъ, что носило отпечатокъ національности и вмѣстѣ съ тѣмъ связано было съ извѣстными культурными задачами и традиціями. Пусть это происходило не повсюду и не при всѣхъ султанахъ въ одинаковой степени, — можно безъ труда привести длинный рядъ фактовъ, характеризующихъ проявленія фанатизма, нетерпимости, подозрительности по отношенію къ армянской церкви, школѣ, литературѣ, печати. Самое слово „Арменія“, даже какъ географическое или историческое названіе, подвергалось запрету, — можно было говорить только о Ванскомъ, Эрзерумскомъ, Битлисскомъ вилайетахъ, или о „Курдистанѣ“, — какъ и въ европейскихъ дипломатическихъ сферахъ ошибочно именовали иногда коренную, историческую Арменію... Въ армянскихъ молитвенникахъ вычеркивались одно время по распоряженію турецкихъ властей имена царей Абгара и Трдата (Тиридата), которые причислены къ лику святыхъ, и которымъ посвящены особья

*) Объ армянскомъ крестьянствѣ — главной составной части армянскаго народа — отличающейся многими симпатичными чертами, которыя не разъ были отмѣчены отдѣльными беллетристами, у насъ вообще знаютъ очень мало, такъ какъ болѣе знакомы только съ буржуазіей. — Ср. статью проф. Егіазарова „Черты быта армянскихъ крестьянъ“ (въ сборникѣ „Братская помощь“).

молитвы, — только потому, что они были, одинъ за 1600 лѣтъ, другой — слишкомъ за 1800, царями въ Арменіи. Впрочемъ, нѣкоторымъ турецкимъ цензорамъ казалось подозрительнымъ даже выраженіе „царство небесное“, и они склонны были его вычеркивать... Армянскія школы также подвергались временами преслѣдованіямъ, нѣкоторыя изъ нихъ были закрыты, другія становились объектомъ придирчиваго надзора, дѣятельность учителей начинала вдругъ казаться опасною въ политическомъ отношеніи; запрещалось собирать по подпискѣ какія-либо суммы для школъ — подъ предлогомъ, что онѣ пойдутъ на политическія цѣли.

Что касается положенія армянской церкви, то, при всѣхъ гарантіяхъ, дававшихся свѣше, при наличности довольно широкой, — въ теоріи, — церковной автономіи, никогда не прекращались окончательно случаи издѣвательства и глумленія турокъ и курдовъ надъ христіанскими обрядами и символами, оскорбленія религіознаго чувства, еще весьма сильнаго въ народѣ, обысковъ въ храмахъ во время богослуженія и т. д. Когда же въ той или другой части Турецкой Арменіи организовывались погромы и убійства, и дикія шайки, болѣе ничѣмъ не сдерживаемыя, варварски расправлялись съ армянами, — церкви и монастыри неоднократно подвергались оскверненію, при чемъ разыгрывались поистинѣ возмутительныя сцены, напоминающія то, что мѣстами совершалось германцами въ Царствѣ Польскомъ, сохраненныя для потомства въ консульскихъ донесеніяхъ или опросныхъ листахъ, обращенныхъ къ жертвамъ избіеній, грабежа и безчинствъ. Вплоть до новѣйшаго времени въ Турецкой Арменіи

продолжали пополняться новыми именами списки мучениковъ за вѣру... Во многихъ случаяхъ достаточно было бы заявить о своемъ согласіи перейти въ мусульманство, чтобы спастись отъ преслѣдованій разъяренной толпы, — но люди не дѣлали этого и обрекали себя на пытки и мучительную смерть; открыто заявляя о своей преданности христіанству и принадлежности къ армянской національной церкви! Лишній разъ яркіе, сильные отрывки изъ произведеній тенденціозныхъ романистовъ и поэтовъ поразительно совпадаютъ съ тѣмъ, что было констатировано въ подлинной армянской дѣйствительности! Конечно, здѣсь идетъ рѣчь о болѣе или менѣе исключительныхъ явленіяхъ, которыя совершались въ пору искусственно возбужденнаго фанатизма и дикой ярости; но тотъ фактъ, что они вообще могли имѣть мѣсто на рубежѣ XX вѣка, остается весьма характернымъ для турецкихъ порядковъ...

„Неужели невозможно для Европы“, писалъ въ 1890 году Рафаэль Патканьянъ, „удовлетворить скромныя нужды армянина, поднять его изъ положенія вьючнаго животнаго и поставить его въ ряду прочихъ людей, созданныхъ по образу и подобию Божію? Скажите, развѣ армянинъ не воленъ обрабатывать родную почву, въ которой (это, вѣдь, не тайна) покоятся священные останки его предковъ? Развѣ несчастная армянка не имѣетъ права пѣть по-армянски колыбельную пѣсню для вскармливаемаго ею младенца и тѣмъ навѣвать сонъ на его глаза? Неужели одному только армянину не позволено имѣть свою вѣру, признавать Бога, поднимать дрожащія руки къ небу и молиться о своихъ нуждахъ на армянскомъ языкѣ? Неужели

не дано армянину права имѣть жену, дочерей, обнажать мечъ для охраненія ихъ цѣломудрія, быть ихъ защитникомъ?.. Развѣ противозаконно говорить: „пустъ армянинъ будетъ судьей надо мною, армяниномъ! пусть по-армянски объяснятъ мнѣ законы,—и, если я виновенъ, пусть отрубятъ мнѣ голову“!.. Неужели будетъ большою дерзостью или мятежнымъ поступкомъ, достойнымъ наказанія, если я скажу: „кушайте мой хлѣбъ на здоровье, только не опустошайте мои поля, не сжигайте мои виноградники“!..

* * *

Скорбныя, мрачныя картины прошли только что передъ нами. Онѣ производятъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что мы знаемъ, какова была историческая задача того народа, которому приходилось выносить всѣ эти бѣдствія, невзгоды и страданія,—каковы были его культурные задатки. Армяне—народъ съ незауряднымъ историческимъ прошлымъ, съ остатками древней культуры—и безусловною способностью къ воспринятію новой европейской цивилизаціи. Они приняли христіанство 1600 лѣтъ тому назадъ, и исторія ихъ національной, всегда близкой къ народной массѣ церкви, глава которой, избираемый представителями отъ народа, верховный патріархъ и католикосъ всѣхъ армянъ, какъ извѣстно, имѣетъ пребываніе въ Русской Арменіи (въ Эчміадзинскомъ монастырѣ), богата славными именами и выдающимися событіями. Въ ту пору, когда нѣкоторые другіе народы еще не принимали участія въ культурной работѣ человѣчества, они уже имѣли богатую классическую литературу: пятое столѣтіе по Р. Х., эпоха Моисея Хоренскаго,

Егишэ, Давида Непобѣдимаго, Езника, считается золотымъ вѣкомъ армянской письменности и культуры. Въ новѣйшее время развилась и получила большое значеніе ново-армянская литература, пользующаяся разговорнымъ языкомъ; всюду, гдѣ было возможно, основывались органы печати, дѣлались попытки создать армянскій театр, теперь уже увѣнчавшіяся извѣстнымъ успѣхомъ. По Турецкой и Русской Арменіи разбросаны, часто въ видѣ грустныхъ, но еще величественныхъ развалинъ, чудные образчики армянской архитектуры, находившейся, правда, подъ вліяніемъ зодчества сосѣднихъ странъ (византійскаго, арабскаго) и все же имѣвшей всегда нѣчто своеобразное, чисто національное. Эти памятники армянскаго искусства краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, какого рода культура была разрушена или задавлена грубою силою, неудержимымъ потокомъ вражескихъ нашествій*)...

Многочисленной гнетъ долженъ былъ такъ или иначе положить отпечатокъ на армянскую жизнь и психологию армянскаго народа; многое было заглушено и атрофировано тяжелымъ политическимъ и экономическимъ строемъ,—но не умерли безповоротно культурные задатки того народа, относительно котораго Байронъ писалъ когда то, что „какова бы ни была его судьба,—а она была печальна,—что бы ни ожидало

*) О представляющихъ высокой художественный и историческій интересъ развалинахъ древней армянской столицы Ани, находящихся теперь въ предѣлахъ Россіи,—см. статью лучшаго знатока анійскихъ древностей, петроградскаго профессора Н. Марра—въ сборникѣ „Братская помощь армянамъ“—а также статью В. Бартольда „Ани“—во второмъ томѣ Новаго Энциклопедическаго Словаря Брокгауза-Ефрона.

его въ будущемъ, его страна всегда должна оставаться одною изъ самыхъ интересныхъ на всемъ земномъ шарѣ“. При необыкновенно тяжелыхъ и ненормальныхъ условіяхъ, долгое время не видя ни откуда поддержки, населеніе Турецкой Арменіи не утратило все же извѣстныхъ культурныхъ запросовъ и содѣйствовало распространенію въ самой турецкой средѣ цивилизації. Армянами были основаны первыя въ Оттоманской имперіи типографіи. Они способствовали развитію въ Турціи театрального дѣла, пріохотили турокъ къ европейскому театру. Въ Турецкой Арменіи ими основано было 750 школъ. „Лучшія публичныя зданія Константинополя (дворцы, казармы и пр.) построены армянскими мастерами и архитекторами“*).

„Армяне“, писалъ когда то извѣстный экономистъ и изслѣдователь русской общины баронъ Гакстаузенъ, „это — какъ бы закваска, положенная въ азіатскія начала для броженія и возбужденія почти мертвыхъ зародышей духовной жизни Азіи“. Эта мысль объ историческомъ призваніи армянъ неоднократно высказывалась въ послѣдствіи различными писателями, видѣвшими въ армянахъ посредниковъ между Востокомъ и европейскою культурою. Въ концѣ 50-хъ годовъ редакторъ московскаго армянскаго журнала „Сѣверное Сіяніе“, проф. Назарьянцъ**), въ своей статьѣ „Призваніе армянъ въ исторіи человѣчества“

*) Г. Діевъ „Армянскій вопросъ въ Турціи“, стр. 45.

**) См. нашу статью „Шестидесятые годы и армянскій передовой журналъ въ Москвѣ“ — въ книгѣ „Литературные Очерки“, т. II (М. 1910).

проводилъ ту мысль, что армянскій народъ, вообще отличающійся воспримчивостью, долженъ, усвоивъ западныя начала, распространить ихъ потомъ между другими, болѣе отсталыми азіатскими народами. Публицистъ Григорій Арцруни, редакторъ прогрессивной газеты „Мшакъ“, назвалъ въ одномъ случаѣ турецкихъ армянъ „европейцами Азіи“. „Какая благородная задача, какая высокая миссія — эта роль посредницы между Европою и Азіей“, говоритъ Габріэль Мурэ въ своемъ очеркѣ „La poésie et l'art arméniens“ *); и эту задачу, эту миссію Арменія не могла бы выполнить безъ тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя отличаютъ ея населеніе... На востокъ она является единственною хранительницею нашихъ идей; на глазахъ у варваровъ, которые ее окружаютъ, она отстаиваетъ съ непреклоннымъ героизмомъ превосходство европейской культуры, западной цивилизаціи противъ ослѣпленія и фанатизма Востока“. У цѣлаго ряда другихъ авторовъ — французскихъ, англійскихъ, американскихъ — отмѣчается въ той или другой формѣ историческая задача армянскаго народа. „Въ преддверіи Азіи“, говоритъ, напримѣръ, членъ французской академіи Дени Кошэнъ, „въ теченіе всѣхъ Среднихъ Вѣковъ Арменія оставалась передовымъ постомъ христіанской цивилизаціи“. Такъ и русско-армянскій публицистъ Г. А. Джаншіевъ назвалъ Турецкую Арменію — авангардомъ христіанско-европей-

*) Очеркъ этотъ предпосланъ книжкѣ живущаго постоянно въ Парижѣ армянскаго поэта Аршака Чобаньяна „Poèmes arméniens, anciens et modernes“ (1902).

ской культуры на Востокъ *). Хочется вѣрить, что настало то время, когда этотъ „авангардъ“ дождется лучшей участи, и побѣды русскихъ войскъ дадутъ возможность многострадальной Турецкой Арменіи „воспрянуть во прахѣ и пыли“, обратить свои взоры къ восходящему солнцу новой жизни!

*) Въ другомъ случаѣ тотъ же авторъ говоритъ: „Армяне не претендуютъ на созданіе самостоятельнаго фактора культуры, но видятъ raison d'être своего національнаго существованія въ проведеніи на Востокъ христіанской цивилизаціи“.

Հայաստանի Ազգային գրադարան

NL0456658

Цѣна 25 коп.

К-во „ЗВЪЗДА“

Н. Н. ОРФЕНОВА.

МОСКВА, М. Никитская домъ 14.

Тел. 3-10-94.